

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА
(Пакистан, Афганистан, Псков...)

А.В.Руцкой, декабрь 2011 г.

Евгений ТЮРИКОВ

Околоафганское *(записки очевидца)*

История 1. Руцкой

«Ну, вот и начался мой третий год в Пакистане, каким-то он будет?» - подумал я, выходя из только что приземлившегося в аэропорту Исламабада самолета. Было начало августа 1988 года, муссонные дожди еще не закончились. Отвыкший за два месяца отпуска от влажной жары Индостана, я, попав буквально в парилку на летном поле, заторопился в здание аэровокзала, а оттуда — к машине поджидавшего меня на стоянке коллеги по ТАСС. Еще через пару часов я в кругу нескольких товарищей раздавал традиционные черный хлеб и селедку, разливал водку (ничего этого в Пакистане не достать) и рассказывал последние московские новости, а они наперебой сообщали о местных событиях.

Одно из известий сразу привлекло мое внимание и вызвало горячее обсуждение всех собравшихся. Оказывается, пакистанцам удалось сбить над своей территорией советский штурмовик Су-25 и захватить в плен летчика.

Информация об инциденте еще не стала достоянием общественности, шел активный диалог по дипломатическим каналам, но все понимали, что, если эти сведения подтвердятся, международного скандала не избежать. К этому времени уже были подписаны Женевские соглашения и СССР начал плановый вывод 40-ой армии из Афганистана, который должен был закончиться 15 февраля 1989 года. А тут чуть ли не акт агрессии против соседнего Пакистана!

Я представил себе, какая пропагандистская волна поднимется в ближайшее время, и скольких сил будет стоить, чтобы хоть как-то ей противостоять...

Прошла неделя, я находился в отделении ТАСС, когда позвонил дежурный по советскому посольству в Исламабаде и попросил срочно приехать. Восемь километров до посольства, которое находилось в дипломатическом анклав на окраине пакистанской столицы, я пролетел на машине за считанные минуты. Въехав на территорию дипмиссии, по необычному оживлению понял, что произошло что-то важное. Первый же попавшийся навстречу дипломат шепнул: *«Летчика отдали»*. Затем стали известны и подробности: пакистанский МИД в срочном порядке собрал пресс-конференцию, на которую, как часто случалось в ту пору, «забыли» пригласить советских журналистов. На ней после краткого заявления советнику-посланнику и военному атташе посольства СССР в Пакистане был передан полковник Руцкой Александр Владимирович — тот самый сбитый советский летчик. Передали его одетым в пакистанскую национальную одежду «шальвар-камиз» — белые шаровары и длинную рубаху навыпуск, здоровым, без видимых признаков ранений или ушибов.

О подробностях разразившегося на полях информационной войны очередного сражения я рассказывать не стану. Сейчас намного больший интерес представляет история злоключений Александра Владимировича, поведенная им мне во время ежедневных встреч в течение почти целой недели до его отлета в Москву. Конечно, предположи я тогда, что говорю с будущим вице-президентом России, бунтарем, лефортовским заключенным, опальным политиком, а затем губернатором, я бы, может быть, и по-другому строил беседы и развивал отношения с ним. Но тогда это были просто встречи за обеденным столом в посольской столовой. При этом публиковать рассказанное им в то время никак не предполагалось, записок я никаких не делал, так что излагать буду то, что сохранилось в памяти, вернее, врезалось в нее в связи с абсолютной необычностью ситуации и рассказчика.

Вылет звена Су-25 4 августа 1988 года на бомбежку крупных складов

боеприпасов и оружия, устроенных моджахедами в склонах горы в непосредственной близости от афгано-пакистанской границы, Руцкой инициировал сам. Эти склоны горы были обращены в сторону Пакистана и узким языком глубоко вдавались в его территорию, оставаясь афганской землей. Нанести ракетно-бомбовый удар по ним можно было только с нарушением пакистанской воздушной границы, при этом нарушать ее надо было дважды — при подлете к цели и при уходе после сброса бомб. Руцкой понимал рискованность операции, но уж очень досаждали нашим войскам моджахеда, получавшие все необходимое с тех складов, гибли наши солдаты, притом гибли за считанные недели, а то и дни до выхода из Афганистана.

Боевой вылет состоялся ночью. Ведущим в первой паре был сам Руцкой. При подлете к границе внезапно загорелась лампочка системы предупреждения о радиолокационном облучении самолета. Источником облучения мог быть только находившийся где-то поблизости самолет ВВС Пакистана. Дав команду другим летчикам свернуть с курса, Александр Владимирович, веря в свою удачливость, сам решил рискнуть — ведь время нахождения над Пакистаном исчислялось секундами. С включенным устройством выброса дипольных отражателей он проскакивает над первым участком запретной территории, наносит удар по цели и поворачивает к афганской границе. И тут взрывается один двигатель — попала ракета, запущенная с невидимого ему пакистанского самолета. Руцкой пытается повернуть выходящий из подчинения Су-25 в сторону Афганистана и дотянуть оставшиеся километры на одном двигателе, но вторая ракета выводит из строя и его. Далее летчик отработанным до автоматизма движением приводит в действие катапульту. После раскрытия парашюта видит внизу падающие горящие обломки своего верного «Грача», пытается сверху определить, насколько далеко пролегает афганская граница. Ночью это сделать не так трудно — в пакистанских деревнях есть электричество, а в афганских — нет.

Приземление прошло благополучно. Быстро отрезав от парашюта стропы и сунув их в карман, Руцкой наскоро маскирует его остатки, забирает автомат,

сухой паек, радиостанцию и, определив по компасу направление, начинает подъем по склону, за которым, по его расчетам, километрах в 12-15 проходит афганская граница. Рассвет застаёт его совсем недалеко от вершины хребта. Руцкой ускоряет шаг. Внезапно он видит афганскую старушку, которая невдалеке гонит куда-то несколько овец. Летчик прячется и обходит старушку стороной, решив про себя, что та не успела его заметить. Перевалив через хребет, он видит открывшуюся перед ним долину, за ней поднимается новый хребет, по гребню которого должна проходить желанная граница. Руцкой решает использовать безлюдные ранние утренние часы, спуститься по довольно крутым склонам ближе к долине и уже там внизу найти укромное убежище, где бы можно было переждать до ночного броска к желанному хребту и подъема на перевал.

Вначале спуск шел довольно гладко, но затем его крутизна сильно возросла и возникла необходимость прохождения по почти вертикальной стене. Чтобы облегчить задачу, Руцкой с помощью связанных между собой строп вначале опустил к подножью стенки свой нехитрый скарб, а затем, закрепив наверху стропы, стал спускаться сам. Достигнув подножья, встал и тут же получил удар по голове и потерял сознание.

Очнувшись, летчик почувствовал, что руки связаны, а когда открыл глаза, то увидел напротив себя двух вооруженных бородатых мужчин, одного моложе тридцати лет, второго — лет сорока пяти. Автомат и все прихваченные из НЗ припасы были у них. Определить, афганцы это или пакистанцы, по одежде или по языку, на котором они общались, он не мог. *«Наверное, старушка видела меня и рассказала «духам», - мелькнуло в голове Руцкого.*

Заметив, что пленник пришел в себя, захватившие его люди грубо подняли его на ноги и жестами показали направление, куда нужно было идти. Руцкой понял, что на месте казнь устраивать они не собираются, а планируют отвести куда-то, откуда выбраться наверняка будет труднее. Поэтому решил попробовать выторговать себе свободу, пока его охраняют только два человека. Заговорил на русском, потом попытался сформулировать предложение на дари

— никакой реакции. Тогда произнес фразу на немецком языке, который учил и в училище, и в академии. И тут же заметил интерес в глазах молодого стражника. Тот даже спросил по-немецки, чего пленник хочет.

В обещаниях Руцкой не скупился. Предлагал деньги, оружие, боеприпасы, домашнюю утварь и технику в обмен на то, что его конвоиры сопровождают его до границы, а после ее пересечения дадут воспользоваться аварийной радиостанцией для вызова спасателей. Он видел, что молодой пуштун (а эта территория была зоной расселения именно пуштунских племен) проявляет явный интерес к предложению, в то время как его старший товарищ однозначно не хочет поддаваться на уговоры. В конце концов они поссорились, молодой стражник подхватил пленника за руку и быстрым шагом потащил по тропе, ведущей через долину к афганской границе. Второй пуштун что-то прокричал им вслед и зашагал в обратном направлении.

Радость Руцкого от такого счастливого поворота событий была недолгой. Где-то часа через полтора пути сзади послышался топот нескольких лошадей. Конвоир затравленно оглянулся по сторонам и, не найдя поблизости подходящего укрытия, где можно было бы спрятаться, обреченно сел на краю тропы, отложив в сторону автомат и заставив пленника последовать его примеру. Их окружили несколько верховых вооруженных пуштунов, связанного летчика погрузили на спину поперек лошади, накрепко притянув к сбруе, и маленький отряд двинулся в обратном направлении.

Руцкой смутно помнил пуштунское селение, куда его доставили, когда солнце было уже высоко. Сказывались сильнейший стресс, оглушающий удар по голове, бессонная ночь, жара и жажда. Его заводили в какие-то строения, кому-то показывали, заставляли под дулом автомата сидеть на полу или во дворе на солнце, когда шло горячее обсуждение, как он понимал, его судьбы. Утолить жажду несколькими глотками воды, которые ему позволили выпить, было невозможно, поэтому он с огромным нетерпением ожидал приближения вечера в надежде на прохладу. Наконец солнце закатилось за вершины гор в той стороне, где лежал недостижимый теперь Афганистан. Но желанного

облегчения не последовало.

С наступлением темноты, которая в этих краях приходит мгновенно, недалеко от места, где сидел под охраной Руцкой, разожгли костер, и туда стали собираться мужчины. Усевшись вокруг, они опять принялись жарко обсуждать что-то. Через какое-то время к пленнику от костра подошли двое пуштунов и знаками потребовали от него раздеться догола. Для этого развязали ему руки, но как только он снял с себя всю одежду, подтащили к стоящему вблизи дереву, поставили спиной к стволу и с противоположной стороны ствола накрепко опять стянули веревкой руки. Проверив прочность узлов, вернулись в круг.

Простояв всего несколько минут прикованным к дереву, Руцкой понял, что самое худшее еще впереди. Причиной новому испытанию стали москиты, тучи которых тут же облепили обнаженного пленника. Не имея возможности хоть как-то защититься от них, он мог только ощущать вначале боль от тысяч одновременных укусов насекомых, потом все нарастающий зуд, который скоро стал совершенно нестерпимым. В этой пытке исчезло чувство времени. Летчик уже не мог определить, когда появилось ощущение, что его тело стало стремительно опухать. Перестали слушаться разбухшие губы, веки, которые, как казалось, еще только что могли пропустить луч света от костра, сомкнулись накрепко. Наконец то ли впрыснутый москитами в кровь яд, то ли аллергическая реакция на него подействовали на сознание пленника, оно еще какое-то время пыталось фиксировать фрагменты происходящего, но запас его прочности иссяк, и Руцкой впал в небытие.

Возвращение сознания произошло внезапно, без подготовки и постепенного понимания, что жив, и связанной с этим радости. Руцкой просто открыл глаза. Это движение на его лице было замечено кем-то, раздались быстрые шаги, послышались звуки открываемой двери, женские и мужские голоса. Затем шум утих. К этому времени находящиеся в поле зрения предметы стали приобретать резкость, глаза понемногу адаптировались к свету. Руцкой понял, что лежит на кровати в комнате, похожей на больничную палату, а его тело опять приобрело нормальные размеры. Услышал приближающиеся явно

мужские шаги. Дверь в комнату распахнулась, в ее проеме появилась высокая фигура, которая быстро прошла к кровати и согнулась над ней. Летчик почувствовал, что крепкие мужские руки поднимают его из постели, на секунду сжимают в объятиях, а затем осторожно ставят на пол, придерживая за плечи.

Стоя на слабо подчиняющихся ему ногах, Руцкой увидел напротив себя высокого смуглого усатого мужчину в незнакомой военной форме. Он рассматривал нашего летчика, улыбался и быстро говорил, показывая то на себя, то на собеседника, пытался жестами объяснить что-то. В комнате появилось еще несколько человек, один из которых заговорил по-русски. Он пояснил, что перед Руцким стоит пилот пакистанского истребителя F-16, который сбил его Су-25 и теперь выражает свою неподдельную радость в связи с тем, что летчик уничтоженного им самолета жив и не покалечен.

Когда всплеск эмоций несколько поутих и офицер пакистанских ВВС удалился с явным видом человека, исполнившего свой долг, а Руцкой вернулся в кровать, ему разъяснили смысл произошедшего. Оказывается, согласно неписанному кодексу чести офицеров ВВС Пакистана, пилот, сбивший самолет противника и узнавший о гибели его летчика, должен позаботиться о сыновьях погибшего и помогать им до достижения совершеннолетия. Побывавший в палате и выпустивший пару суток назад по советскому Су-25 две ракеты пакистанский офицер уже успел выяснить, что у Руцкого есть два сына, и был искренне счастлив узнать, что их отец жив.

Затем настали дни бесконечных допросов. Вначале они проходили на одной из авиабаз, позднее Руцкого перевезли в Пешавар и, наконец — в Равалпинди, расположенный рядом с пакистанской столицей Исламабад. Предпринятые им попытки представиться рядовым летчиком в звании майора оказались тщетными. Пакистанцы показали ему довольно увесистое досье на полковника Руцкого, в котором кроме подробной биографии и фотографий, была информация о его боевых вылетах, позывных, аэродромах базирования и районах нанесения бомбовых ударов. Они зафиксировали факт вылета Руцкого на последнее несчастливое для него задание, переговоры перед заходом на цель,

команду Руцкого подчиненным изменить курс. Там же описывались обстоятельства, при которых он был сбит первый раз моджахедами в апреле 1986 года переносной ракетой с земли. Тогда ему удалось избежать плена. Ничего не скажешь, пакистанская разведка работала активно весь период пребывания советских войск в Афганистане.

На протяжении десяти дней менялись допрашивающие, тактики допросов, обстановка и условия содержания, были и запугивания, и заманчивые предложения, и ложные сообщения, что Советский Союз якобы отказался от своего попавшего в плен офицера. Физического воздействия, за исключением периодически вызывающе грубого отношения тюремщиков, к пленному не применялось. Пакистанцев в основном интересовали подробности планов вывода оставшейся группировки войск из Афганистана и политика СССР в отношении этой страны после его завершения. В обмен на полное раскрытие известных ему сведений Руцкому предлагали деньги, переезд в нейтральную страну и обеспеченное проживание там. Под конец, ссылаясь на полученные из-за рубежа полномочия, стали заманивать принятием на военную службу в ВВС некоторых стран НАТО (в первую очередь упоминалась Канада) с сохранением воинского звания «полковник» и предоставлением достойной должности. Но этот торг ни к чему не привел. Руцкой не поддавался давлению и уговорам.

В ходе одного из допросов представитель пакистанских спецслужб разоткровенничался и поведал пленнику, что же с ним произошло после того, как он оказался прикованным к дереву, потерял последнюю надежду на спасение и лишился сознания.

Штурмовик Су-25 был сбит над так называемой «зоной племен» (Tribal belt на английском языке). Там же упали его обломки, и приземлился Руцкой. Эта часть территории Пакистана протянулась узкой полосой вдоль границы с Афганистаном и является историческим местом расселения пуштунских племен. На нее почти не распространяются полномочия федеральных и провинциальных властей, не действуют многие законы страны. Даже охрана границы возложена на вооруженные формирования пуштунских племен. Да и

сама граница не является таковой в обычном смысле этого слова. В наследство от правивших в Британской Индии англичан получившему в 1947 году независимость Пакистану на западе досталась не граница, а так называемая «Линия Дюранда». Пуштунские племена, исторически населявшие земли как к востоку, так и к западу от этой линии, могут беспрепятственно пересекать ее, мигрируя в связи со сменой сезона или по какой-то другой причине. Реальная власть в этой зоне находится в руках вождей племен, которые иногда прислушиваются к мнению старейшин. В период пребывания 40-ой армии в Афганистане часть пакистанских пуштунов присоединилась к формированиям моджахедов, в то время как другая часть несла службу по охране «Линии Дюранда». Для пакистанского руководства существование «зоны племен» и «Линии Дюранда» всегда представляло головную боль, поскольку давало основу для возникновения и развития идеи создания «Великого Пуштунистана» на землях к востоку и к западу от линии за счет развала самого Пакистана. Превращение «Линии Дюранда» в международно-признанную границу всегда было одной из основных, но редко озвучиваемых публично задач любого правительства Пакистана.

Вот в этой зоне и оказался Руцкой, там же был пленен и приведен к вождю одного из племен, который под конец дня распорядился для острастки подержать пленника всю ночь раздетым на открытом воздухе. Нетрудно себе представить, чем могла кончиться эта ночь для героя нашего рассказа, если бы не вмешались федеральные власти Пакистана. Военные довольно точно отследили возможный район приземления летчика сбитого самолета, спецслужбы через свою агентуру выяснили, кто взял его в плен и где содержит. К тому времени, когда Руцкой оказался прикованным к дереву, к пуштунской деревне, где происходили эти события, на максимально возможной для тех мест скорости двигалась смешанная колонна пакистанских военных и гражданских чиновников. Они имели задачу любой ценой добиться передачи пленного советского офицера федеральным властям.

Почувствовав большую заинтересованность федералов в попавшем к

нему в руки советском летчике, вождь племени затеял нешуточный торг. Договориться по первому пункту требований вождя — о денежной сумме выкупа — для опытных в таких делах чиновников особой трудности не представляло. Но вот второе требование вождя повергло их в шок. Оказывается, вождю уже давно нравилось путешествовать по железной дороге, и понять его здесь можно. В контролируемом им районе дорог как таковых не существовало, были тропы, по которым можно было передвигаться пешком и верхом на лошадях, или с большим трудом на автомобилях-вездеходах. Вождь завидовал своим коллегам, чьи племена располагались восточнее, т.е. ближе к проходившей с севера на юг страны железной дороге. Они могли легко добраться до ближайшей станции и дальше передвигаться с приличествующим положению вождя племени комфортом. А нашему вождю это удовольствие было почти недоступно. И вот судьба подарила ему шанс, которым он не преминул воспользоваться. Вождь выложил на переговорный стол свое второе требование — обязательство федеральных властей построить в срочном порядке ответвление железной дороги, ведущее напрямую к его деревне, всего то километров 50-60 по горам. И если по уменьшению затребованной суммы выкупа с вождем еще можно было договариваться, то на исполнении второго требования он настаивал твердо.

Пока шли переговоры, потерявшего сознание Руцкого осмотрел приехавший вместе с колонной врач. Его мнение было однозначным — пленного необходимо срочно доставить в стационар. Военные организовали линию прямой связи с Исламабадом, где на очень высоком уровне было дано согласие на подписание соглашения с пуштунским вождем на его условиях. Так в руках вождя оказался договор, согласно которому федеральные власти брали обязательство выплатить ему круглую сумму в пакистанских рупиях и построить около 60 км железнодорожного полотна, ведущего в главное поселение племени. Как я слышал позднее, деньги вождь все-таки получил, но с железной дорогой дело так и не сдвинулось с мертвой точки.

Руцкого на вездеходе доставили до ближайшей воинской части, откуда на

вертолете переправили на авиабазу, где был современный военный госпиталь. С помощью какой-то «чудо-мази», как ее назвал сам Александр Владимирович, врачам быстро удалось справиться с опухолью и другими последствиями бесчисленных укусов moskitov, а также подлечить другие раны. Поэтому ко времени появления в госпитале пилота F-16 Руцкой внешне выглядел почти нормально.

На протяжении всего периода пребывания нашего летчика в руках пакистанских спецслужб ему ни разу не обещали, что отдадут советскому посольству и позволят вернуться на родину. Но стойкость и упорство Руцкого с одной стороны, и все нарастающее давление Советского Союза на пакистанское руководство по всем доступным каналам делали свое дело. Кроме того, сказался еще ряд дополнительных факторов. Об одном из них в своих интервью намного позже описываемых событий упоминал сам Александр Владимирович. Речь шла о его обмене на арестованного КГБ пакистанского шпиона. Может быть и так, но мне такая сделка представляется мало похожей на правду. А вот два других обстоятельства кажутся вполне вероятными. Первое из них — нежелание любого правительства Пакистана обострять отношения с СССР до опасного уровня. Такое нежелание возникло и передавалось от одного лидера страны к другому после памятных событий 1 мая 1961 года, когда над Уралом был сбит взлетевший с авиабазы в Пешаваре самолет-разведчик U-2, пилотируемый американским летчиком Пауэрсом. Последовавшая за этим очень резкая реакция советского руководства стала хорошим уроком лидерам Пакистана, а обведенный рукой Хрущева красным карандашом Пешавар превратился в символ предупреждения об опасности военных игр с СССР.

Но мне известно о еще одном аргументе в пользу добровольной передачи пакистанской стороной Руцкого советскому посольству в Исламабаде. Дело в том, что на 21 августа 1988 года было назначено первое интервью Президента Пакистана генерала Зия-уль-Хака четырем советским журналистам. В канцелярии президента не скрывали, что глава государства в ходе встречи с корреспондентами ведущих советских газет и ТАСС намерен выдвинуть какие-

то новые инициативы по афганскому урегулированию и развитию пакистано-советских отношений. А акт передачи по гуманным соображениям нашего сбитого над пакистанской территорией летчика был бы прекрасным фоном для таких предложений. Но, несмотря на возврат Руцкого и создание этого фона, предложения генерала так и не прозвучали. 17 августа 1988 года, ровно через сутки после того, как Александр Владимирович переступил порог советского посольства в Пакистане, генерал Зия-уль-Хак погиб в загадочной авиационной катастрофе. Но этим событиям будет посвящен другой рассказ.

Самолеты Аэрофлота из пакистанского города Карачи в Москву в то время летали один раз в неделю по субботам. Подошла и суббота 20 августа 1988 года, когда полковнику Руцкому предстояло вернуться на родину. За пять дней, которые наш боевой летчик провел в советском посольстве, он внешне несколько изменился. Этому способствовала, конечно, смена шальвар-камиза на одежду европейского покроя. Кроме того было заметно, что державшее его на протяжении последних семнадцати дней напряжение немного ослабло. Но не ушло совсем. Дело в том, что ни сам Руцкой, ни кто-либо другой из советской колонии в Исламабаде не знали, как встретит родина своего побывавшего в плену офицера, и совсем не были уверены, что эта встреча не будет «прохладной». Сотрудникам посольства была известна история экипажей двух боевых вертолетов советских пограничных войск, которые за примерно полгода до случая с Руцким при полете из Алма-Аты в Афганистан заблудились в горах и были вынуждены после выработки всего топлива сесть на пакистанской территорией опять же в «зоне племен». Тогда федеральным властям Пакистана пришлось силой отбирать боевые машины и запершиися в них экипажи у окружившего их вооруженного отряда пуштунов. Экипажи, которые под обстрелом племенных воинов выполнили свой долг и уничтожили все секретное оборудование и документы, скрываясь за листами броневой защиты вертолетов, без особых проволочек были переданы советскому посольству в Исламабаде. Но конец этой истории был грустным. Как стало позже известно, экипажи были расформированы, офицеры лишены своих званий, а командиры

боевых машин предстали перед военным трибуналом. Руцкому кто-то рассказал об этом случае.

Утром 20 августа все провожавшие Александра Владимировича во дворе посольства перед выездом в аэропорт желали ему, чтобы родина по-матерински отнеслась к своему сыну. И всем нам было видно, насколько сильно этот мужественный человек, прошедший через жесточайшие испытания, волнуется и переживает за свое будущее. К радости всех участников и свидетелей этих событий, будущее оказалось для нашего героя вполне добрым. Вначале в посольстве получили известие, что Руцкой стал слушателем Академии Генерального штаба, а в декабре 1988 года пришла новость о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

Москва

29 января 2012 года

Биографическая справка:

РУЦКОЙ Александр Владимирович родился 16 сентября 1947 г. В 1971 г. окончил Барнаульское высшее военное авиационное училище летчиков-инженеров им. К.А. Вершинина. В 1980 г. – Военно-воздушную академию им. Гагарина; в 1990 г. – Академию Генштаба ВС СССР.

В 1985–1988 гг. участвовал в боевых действиях в составе контингента советских войск в Афганистане, где командовал отдельным авиационным штурмовым полком. В апреле 1986 г. его самолет был сбит. 4 августа 1988 г. был сбит вторично. Попал в плен к афганским моджахедам. 16 августа 1988 г. Руцкой был передан пакистанскими властями советским дипломатическим представителям в Исламабаде. 8 декабря 1988 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

Весной 1990 г. избран народным депутатом РСФСР от Курской области. 19–21 августа 1991 г., во время попытки государственного переворота, был одним из организаторов обороны Белого дома. 12 июня 1991 г. был избран вице-президентом РФ.

21 сентября 1993 г., после указа Бориса Ельцина, предусматривавшего досрочное прекращение полномочий Верховного Совета, Руцкой объявил о принятии на себя исполнения обязанностей президента РФ. Руководил оборонительными мероприятиями в Белом доме во время событий 3–4 октября 1993 г. После штурма был арестован. 26 февраля 1994 г. освобожден из-под стражи в связи с принятой Госдумой амнистией.

20 октября 1996 г. Александр Руцкой был избран губернатором Курской области. В октябре 2000 г. Александр Руцкой баллотировался на второй срок, но за несколько часов до голосования был отстранен от участия в выборах.

Женат вторым браком. Имеет троих сыновей и дочь.

* * *

Опубликовано на правах рукописи.

©Е.А.Тюриков, 2012

История 2. **Исламабадские встречи**

Весной 1989 года в Исламабад прибыла съемочная группа 1-го телевизионного канала — тележурналист Михаил Лещинский и оператор Борис Романенко. Прилетели они всего на пару дней из Афганистана через Индию в составе делегации первого заместителя министра иностранных дел СССР Юлия Воронцова, возглавлявшего в ту пору еще и посольство СССР в Кабуле. Планировалось проведение переговоров с недавно ставшей премьер-министром Пакистана Беназир Бхутто об отношениях между двумя странами после завершения вывода советских войск из Афганистана.

Мне, как руководителю отделения ТАСС в Исламабаде, которое было единственным представительством советских СМИ в Пакистане, было поручено оказать помощь нашим коллегам в съемке телерепортажей и организации интервью. Надо сказать, что Исламабад до лета 1988 года советские журналисты не баловали своим вниманием — были большие сложности с получением виз. Практически вся открытая информация о стране шла по каналам ТАСС. И только когда наши войска начали постепенно покидать Афганистан, пакистанцы стали более гостеприимными в отношении нашей пишущей и снимающей братии.

С Михаилом и Борисом общий язык мы нашли сразу по их прилете. Из первой же беседы стало понятно, что они хотят на все сто процентов использовать возможность пребывания в Пакистане — ведь им посчастливилось быть первыми советскими тележурналистами в этой стране за многие годы. В их планы, кроме протокольной съемки переговоров, входили интервью с Беназир Бхутто, видовые репортажи об Исламабаде и встреча хотя бы с одним лидером «Альянса семи», объединявшего основные группировки, оппозиционные правительству Республики Афганистан и президенту Наджибулле.

Первый пункт программы получил согласование пакистанской стороны почти автоматически, об интервью с премьер-министром удалось договориться довольно быстро, на съемки города разрешение также было дано без задержки. Оставался последний пункт — интервью с одним из лидеров «душманов», до недавнего времени — заклятым врагом, тем более для Лещинского и Романенко, ставших знаменитыми во всем СССР благодаря своим многочисленным репортажам непосредственно из районов боевых действий в Афганистане. Но завершившийся к этому времени вывод наших войск и желание лидеров «Семерки» выглядеть уже не только бравыми, искусными и удачливыми командирами, но и государственными мужами, сделали свое дело, и договоренность тоже была достигнута.

Используя связи в информационных агентствах Рейтер и Франс Пресс, удалось найти номера телефонов нескольких лидеров афганской оппозиции, один из которых оказался в это время в своей резиденции в пакистанской столице и дал согласие на встречу. Им оказался Себгатулла Моджаддеди, возглавляющий группировку «Национальный фронт спасения Афганистана» и избранный в конце февраля 1989 года в Пешаваре председателем так называемого «Переходного правительства моджахедов».

Переговоры первого заместителя министра иностранных дел СССР Юлия Воронцова с премьер-министром Беназир Бхутто проходили в Исламабаде. Как обычно бывает в таких случаях, журналистам разрешили присутствовать

только на нескольких первых минутах беседы. После этого мы с Михаилом и Борисом поспешили в Равалпинди, древний полуторамилионный город в десятке километров от быстро растущего Исламабада, строительство которого началось только в 1961 году. В Равалпинди находилась одна из резиденций премьер-министра, в ней, согласно договоренности, должна была пройти ее встреча с советскими тележурналистами. Мы проехали на строго охраняемую территорию резиденции вместе с колонной пакистанских официальных лиц и стали готовиться к съемке в выделенной для нас комнате. И тут Борис вдруг обнаружил, что взял из гостиницы не тот, что нужно было, комплект аккумуляторов. Те, что он привез, были разряжены. До начала интервью оставалось минут тридцать, не больше. Конфуз, казалось, был неминуем.

Быстро обсудив ситуацию с Михаилом и Борисом, я уточнил, как найти их гостиничный номер и где лежат нужные аккумуляторы, и побежал к своей машине. Выпустили меня с территории резиденции без задержек, и я помчался на полной скорости на своей «Тойоте» к Исламабаду. В дороге мне повезло - путь туда и обратно и посещение номера в гостинице заняли всего минут двадцать. Затормозив у ограды резиденции, я понимал, что еще могу успеть, и первое интервью Беназир Бхутто советскому телевидению в качестве премьер-министра не будет сорвано. Но для этого нужно было пройти через многочисленную и отлично вымуштрованную охрану. А никакого пропуска у меня не было. И представителям пресс-службы премьера я перед своим исчезновением ничего не успел объяснить. Надежд на то, что Михаил или Борис сумеют добиться разрешения на мой повторный въезд на закрытую территорию, не было — оба не говорили по-английски.

Сразу решил не испытывать судьбу и не пытаться проехать на машине через закрытые ворота — объяснение бы заняло слишком много времени. Поэтому авто оставил неподалеку от КПП, схватил аккумуляторы и бросился к проходной. Аккумуляторы же для профессиональных телекамер в ту пору размещались в кожаных поясах, очень похожих на патронташи, которые часто входили в экипировку моджахедов и бойцов из племенных вооруженных

отрядов. И вот с парой таких «патронташей» я и влетел на проходную правительственной резиденции. Увидел удивление и тревогу на лицах находившихся там четырех охранников, двое из которых потянулись к висевшим за спиной автоматам. Я выхватил из нагрудного кармана свое журналистское удостоверение, и, размахивая им одной рукой, другой придерживая висевшие на плече тяжеленные аккумуляторы, бросился в турникету, громко выкрикивая на английском «Советское телевидение!», «Интервью с Беназир Бхутто!», «Встреча с премьер-министром!». К моему изумлению двое охранников перед турникетом отступили назад, а сам турникет под моим напором провернулся, и через пару шагов я оказался во дворе резиденции. Увидел знакомую дверь, из которой вышел всего полчаса назад, побежал к ней. Было слышно, что сзади за мной тоже кто-то бежит, но команд остановиться и вообще каких-то криков слышно не было. Заскочил в здание, промчался по коридору и распахнул дверь в комнату, где должны были ждать меня Михаил и Борис. Там они и находились вместе с парой выглядевших озадаченными пакистанцев из пресс-службы. Увидев меня, Борис тут же схватил один из «патронташей», опоясался им, подключил к нему камеру, проверил напряжение и сказал: «Я готов». Я сообщил о готовности сотрудникам пресс-службы, на лице которых теперь читалось явное облегчение. Через пару минут мы были в предназначенном для интервью зале и ожидали прихода премьер-министра.

Поскольку интервью давалось эксклюзивно для первого канала советского телевидения, мне в нем отводилась лишь роль переводчика. Это была моя не первая встреча с Беназир Бхутто. Видел я ее на предвыборных митингах осенью 1988 года, на церемонии приведения к присяге в качестве премьер-министра, на первой пресс-конференции после этого события, на пресс-конференциях, посвященных региональной конференции на высшем уровне в Исламабаде в конце декабря того же года. Было и несколько интервью — эксклюзивных и совместных.

Беназир Бхутто, Михаил Лецинский, Евгений Тюриков

*Церемония приведения к присяге Беназир Бхутто
при вступлении в должность премьер министра*

Признаюсь, меня всегда восхищали яркость таланта Беназир Бхутто как политика, ее харизма, способность убеждать и вести за собой огромные массы людей. И это в глубоко исламизированном обществе, где роль женщины сведена

к минимуму! Вызывали уважение ее мужество и стойкость, проявленные при неоднократном и длительном пребывании в тюрьмах, многочисленных покушениях на ее жизнь. Внешне она была очень привлекательна, а в беседе проявляла недюжинные знания и блистательное остроумие. Когда летом 2007 года из Пакистана пришло известие о гибели Беназир Бхутто от рук террориста, я был глубоко шокирован. Судьба оказалась удивительно жестока ко всей семье Бхутто — ее отец был повешен в 1979 году после установления военной диктатуры генерала Зия-уль-Хака, а оба брата Муртаза и Шахнаваз погибли также насильственной смертью в 1996 и 1985 годах соответственно.

Вечером, сидя за столом и поднимая стаканы с предусмотрительно прихваченным Михаилом Лещинским из Дели виски (Пакистан в те годы был абсолютно «сухой» страной), мы втроем гадали, почему охранники так легко допустили меня на такой сверхрежимный объект. Опрос сотрудников пресс-службы премьера после интервью показал, что они не давали никаких распоряжений охране. Ответа на этот вопрос мы в тот вечер так и не нашли и списали все в конечном итоге на удачу.

Назавтра в первой половине дня я в качестве водителя поступил в полное распоряжение телеоператора Бориса Романенко. Мы ездили по Исламабаду, и он снимал город с различных точек и при проезде по его улицам. При этом он выбрал весьма оригинальный способ вести съемку из движущейся автомашины — опустив стекло правой задней двери, вылез наполовину через это окно, усевшись на «подоконник» и оставив ноги внутри салона. Попросив меня двигаться медленно и без рывков, Борис установил телекамеру на правое плечо и начал съемку. Так мы объехали правительственные кварталы Исламабада, поколесили по застроенным прекрасными виллами богатым жилым районам и подъехали, наконец, к мечети Шах Фейсал — грандиозному сооружению оригинальной архитектуры, подаренному Пакистану королем Саудовской Аравии Фейсалом. Тут Борис «спешился» и в течение не менее часа снимал внутреннее убранство действительно удивительно красивой и необычной мечети, формами напоминающей традиционную палатку кочевников-бедуинов.

Появился он на выходе из нее, чрезвычайно довольный увиденным и отснятым, когда уже нужно было выезжать на встречу с лидером, как тогда говорили, «афганской контрреволюции».

По дороге к району Исламабада, где находилась резиденция Себгатуллы Моджаддеди, Борис предложил снять ее и окружающие виллы так же, как мы снимали улицы города, то есть сидя в оконном проеме правой задней двери моей движущейся машины. На том и порешили. Подъехали к ближайшему к нужной нам вилле перекрестку, остановились за поворотом и стали готовиться к съемке. Тут важно пояснить, что все лидеры «Альянса семи» открыто владели в Исламабаде престижной недвижимостью, именуемой для пущей важности штаб-квартирами или резиденциями. Как правило, это были достаточно большие особняки, расположенные на обширной территории и окруженные высоким забором. По углам забора сооружались сторожевые вышки, как минимум две, на которых постоянно находилось по паре моджахедов с пулеметами и автоматами. Вооруженная охрана выставлялась и возле входа на территорию штаб-квартир. Резиденция Моджаддеди не отличалась от остальных подобных, там были и высокий забор, и две вышки с пулеметами, и охрана у входа.

И вот представьте себе картину, увиденную охранниками Моджаддеди: из-за угла на улицу, ведущую к резиденции, выезжает автомашина, из боковой двери которой торчит человек с чем-то непонятным на плече, направленным на охраняемый объект. Разобрать со 150 метров, что это телекамера, а не РПГ или ПТУР, даже зорким афганцам оказалось не под силу. Я увидел, что охранники тут же захлопнули ворота и калитку, а пулеметы на вышках развернулись в нашу сторону. Крикнув Борису: «Убирай камеру», - резко остановил машину и, выскочив из нее, быстро пошел в сторону резиденции, размахивая руками над головой, демонстрируя, что у меня нет оружия.

Подойдя метров на пятьдесят, я стал выкрикивать слова: «Журналисты», «Моджаддеди», «Встреча». Мысленно же ругал себя за то, что согласился на авантюрное предложение, не просчитав последствий и поставив жизни гостей и

свою под угрозу. Видел, что ствол одного из пулеметов на вышке постоянно сопровождает меня, в то время как другой направлен на брошенную позади машину. Но выстрелов не последовало. Я приблизился к закрытым наглухо воротам, продолжая громко выкрикивать, что мы журналисты и прибыли на встречу с Моджаддеди. После нескольких минут молчания в металлической калитке открылось небольшое окошко и кто-то по-английски потребовал подойти ближе и предъявить документы. Я сделал пару шагов и передал свою журналистскую карточку. Наконец загремели засовы, и калитка приоткрылась. Вышедший из нее афганец был без оружия и выглядел скорее как высокопоставленный чиновник. На хорошем английском он спросил, кто остался в машине и что мы намеревались сделать. Когда я объяснил ему наш незамысловатый план поснимать резиденцию в движении при подъезде к ней, он сокрушенно покачал головой и сказал: «Мы едва не начали стрелять». После этого он попросил оставить машину там, где она остановилась, и привести тележурналистов пешком. При этом он послал со мной пару «духов», чтобы те убедились в отсутствии в машине оружия и помогли нам на обратном пути нести аппаратуру.

При входе в здание нас обыскали, пытаюсь найти припрятанное оружие, но такового не обнаружили. Бориса заставили включить камеру и продемонстрировать запись на нее. Осмотрели также пояса с аккумуляторами. После этого позволили войти в комнату, где у стены находились диван и кресло, а перед ними — небольшой журнальный столик. На стене у кресла висел плакат с изображением герба возглавляемой хозяином дома группировки НФСА. В комнату вела еще одна дверь, по бокам от нее стояли два высоких бородатых душмана с пулеметными лентами крест-накрест и автоматами в руках. Вид у обоих был грозный и внушительный. Борис установил камеру на штатив и приготовился к съемке, а нам с Михаилом было предложено расположиться на диване. За всеми нашими действиями внимательно наблюдал афганец с наружностью чиновника.

Моджаддеди не заставил себя долго ждать. Вторая дверь открылась и

через нее в комнату вошел невысокий афганец лет 60-ти с седой бородой. Поэтому, как он быстро и решительно приблизился к столу и протянул руку для приветствия вначале Михаилу Лещинскому, а затем мне и оператору Борису Романенко, стало понятно, что «протокольная» часть встречи обсуждалась заранее и был выбран ее «дружественный» вариант. Поскольку это была первая встреча лидера «Непримиримой семерки» с советскими тележурналистами, никаких стандартов не существовало и, с учетом лишь совсем недавно завершившихся боев советских войск с моджахедами, прием мог быть намного более жестким. Тем более с учетом нашей неудавшейся попытки «атаковать» резиденцию.

Расположившись в кресле, наш собеседник, как гостеприимный хозяин, предложил чай и задал несколько общих вопросов о поездке тележурналистов. Со своей стороны рассказал, что в детстве много общался с одним русским, который долго жил в их доме в Герате после побега из Советского Союза. В подтверждение произнес несколько выученных еще в то далекое время фраз на русском языке.

Мне вкратце была известна история рода Моджаддеди, которая насчитывала к тому времени более семи веков. В двадцатом веке его представители громко заявили о себе как активные борцы вначале против британского владычества, а позднее — против пришедшей к власти в Афганистане НДПА. Сообщалось, что в 1979 году от репрессий погибли 109 мужчин из этого рода. Сам Себгатулла всегда придерживался умеренного течения в исламе, но был непримиримым противником атеизма и коммунистических взглядов. Будучи профессором Кабульского университета, активно препятствовал распространению левых идей среди студентов. А накануне визита в Афганистан в 1960 году Н.С.Хрущева был посажен в тюрьму по обвинению в подготовке покушения на главу советского государства.

Справа налево – Себгатулла Моджаддеди, Михаил Лецинский, Евгений Тюриков

Содержание интервью я пересказывать не буду, упомяну только, что обе стороны — и задающая вопросы, и отвечающая на них — были вежливы, осторожны и сдержанны. Было заметно, что и тем и другим было нелегко перестраиваться на мирный лад после того, как более девяти лет смотрели друг на друга через прорези прицелов.

На следующее утро мы прощались с Михаилом и Борисом как добрые друзья, договаривались о возможных встречах в будущем. Но судьба распорядилась по-своему, мы больше не виделись, а мне доставляет удовольствие иногда вспоминать о двух не совсем обычных днях, проведенных вместе в Исламабаде.

Москва, февраль 2012 г.

*Опубликовано на правах рукописи
©Е.Тюриков, 2012*

История 3.

Покушение в Исламабаде

В горле стоял комок, а в глазах из-за подступивших слез расплывались появляющиеся на ленте телекса слова, которые автоматически набирали на клавиатуре мои пальцы:

«Сегодня в Исламабаде совершено покушение на исполняющего обязанности военного атташе при Посольстве СССР в Пакистане полковника Горенькова Ф.И. В результате полученных огнестрельных ранений он скончался...».

Такое сообщение я передал в ТАСС 16 сентября 1986 года. С того времени прошло уже больше 25 лет, но этот день сохранился в моей памяти как самый черный. Такому восприятию, помимо скорби по прекрасному человеку, во многом способствует сохраняющаяся до сих пор неясность, кто же и по какой причине посмел убить в пакистанской столице официального представителя министерства обороны тогда еще могущественного государства СССР. Однозначного ответа на эти вопросы я не знаю. Поэтому постараюсь только подробно рассказать о событиях тех далеких дней и появившихся в связи с ними версиях о возможных причинах и подоплеке трагедии.

Федор Иванович прилетел в Исламабад в мае 1986 года и вступил в должность старшего помощника военного атташе. С августа, в связи с окончанием срока командировки военного атташе, исполнял его обязанности и ожидал приказа о назначении на этот ответственный пост. Своей обаятельностью, веселым нравом, доброжелательностью и общительностью он

сразу завоевал расположение всех членов советской колонии в пакистанской столице, которых в те времена насчитывалось более ста. По работе мы с ним связаны не были, поэтому наше общение проходило в основном то на волейбольной площадке, то возле бассейна или за праздничным столом у знакомого дипломата, отмечающего день рождения. Темы для разговоров находились легко — мы оба были погружены во внутреннюю и внешнюю политику Пакистана, отслеживали события в соседнем Афганистане, пытались узнать подробности героического восстания советских военнопленных в районе пакистанского селения Бадабер. Я всегда поражался умению Федора Ивановича делать на основе разрозненных фактов глубокие выводы, которые в дальнейшем неизменно находили подтверждение. Сказывался, конечно, его предыдущий опыт работы в Индии и глубокие знания проблем всего южноазиатского региона.

Проживал Федор Иванович со своей женой Антониной и девятилетней дочерью Катей на вилле в центральной части Исламабада. Каждый день он отвозил семью в посольство, которое находилось в дипломатическом районе или анклаве, как его было принято называть, километрах в трех от главных магистралей столицы. Там же, в посольстве, располагался и рабочий кабинет Горенькова. Дипломатический анклав был связан с Исламабадом одной единственной дорогой, по которой Федор Иванович проезжал по несколько раз в день.

16 сентября Гореньков к часу дня, как обычно, собрался поехать домой на обед. Во дворе посольства дождался жену и дочь, которая училась в 4-ом классе советской школы, находившейся на территории дипмиссии. Все сели в служебную машину «Тойота-краун»: Федор Иванович — за руль, Антонина — на переднее сиденье слева от водителя (в Пакистане левостороннее движение), а Катя разместилась на заднем ряду. Дежурный сотрудник охраны открыл ворота, машина выехала за них, остановилась, подождав, в соответствии с требованиями правил безопасности, пока ворота закроются, и направилась по

той самой единственной дороге к центральной части Исламабада.

По правой стороне этого шоссе находились стоявшие на некотором удалении друг от друга посольства различных государств, самыми крупными из которых были китайское и американское. Слева на протяжении всего пути до одной из главных улиц Исламабада Конституишн авеню тянулся лес, порой довольно густой. Между деревьями часто проглядывали крупные кактусы, а иногда мелькали термитники высотой метров до двух. Сама дорога была абсолютно прямой и неширокой — по одной полосе в каждом направлении, по сторонам устроены узкие обочины и довольно глубокие водосточные канавы. Имелось несколько подъемов и спусков, причем последний, пологий и длинный, заканчивался при выезде на Конституишн авеню. Метров за 250 до этого Т-образного перекрестка справа начинался пустырь, заросший очень густым высоким кустарником, за ним и несколько в глубине размещалась автозаправка, с которой имелись выезды как на дорогу, так и на авеню.

Машина Федора Ивановича быстро промчалась мимо посольств и была уже на описанном выше спуске, когда из леса слева (напомню, что в Пакистане левостороннее движение) на дорогу вышел человек и встал лицом к подъезжающей «Тойоте». В левой руке он держал лист бумаги, которым размахивал перед собой. Ничего угрожающего в его позе или движениях не было. Гореньков затормозил и остановился в паре метров от незнакомца. Тот, обойдя машину, подошел к водительской двери, что-то говоря и продолжая размахивать листком. Федор Иванович припустил стекло со своей стороны. Незнакомец быстрым движением сунул в образовавшуюся щель свою бумагу, которую Федор Иванович не успел поймать, и она упала ему под ноги. Он наклонился, потянувшись за листком, и в это время в руках незнакомца появился пистолет. Гореньков распрямылся, и тут же грянули выстрелы: первый, второй, третий. Стрельба велась практически в упор через полуоткрытое стекло двери, и все пули достигли цели.

Антонина первая увидела в проеме окна руку с пистолетом, но не успела

ни криком, ни движением предупредить мужа — все произошло в какие-то доли секунды. Услышав грохот выстрелов, она крикнула Кате: «Ложись!» - а сама наклонилась к обмякшему телу Федора Ивановича, притянула его к себе и попыталась закрыть ладонями раны, из которых обильно текла кровь. Правая нога Горенькова соскользнула с педали тормоза, и машина покатила под уклон, постепенно ускоряясь. На мгновение Антонина подняла голову, увидела фигуру убийцы, убегавшего по противоположной стороне дороги к Конститушн авеню. В эту же секунду он обернулся, бросив взгляд на покотившуюся машину, и прибавил ходу. Неуправляемая «Тойота» выехала на пустынный в это время перекресток, пересекла полосу встречного движения и остановилась, упершись в разделительный бордюр.

Первым к месту трагедии подъехал следовавший по тому же пути в нескольких минутах за Гореньковым второй секретарь Посольства СССР в Пакистане Джамал Гаджиев. Он мгновенно оценил обстановку, быстро пересадил пребывавших в глубоком шоке Антонину и Катю в свою машину, подвинул тело Федора Ивановича, и сам, сев на его место за руль «Тойоты», рванул к ближайшему госпиталю. Увидев по пути полицейскую машину, притормозил и сообщил пакистанцам о покушении и необходимости искать его исполнителя, а также об оставленных в машине Антонине и Кате. Домчавшись до госпиталя, поднял на ноги врачей, которые попытались провести реанимационные мероприятия, но в конце концов были вынуждены констатировать смерть Федора Ивановича.

Нам не понять и даже не представить, что пережили и что чувствовали жена и дочь Федора Ивановича, ставшие невольными свидетелями его убийства. Но, судя по тому, какой потрясение и горе поразили буквально каждого члена советской колонии в Исламабаде, для семьи это были совершенно нечеловеческие испытания. Весть о страшном преступлении даже без сотовых телефонов мгновенно облетела все, как тогда говорили, «совзагранучреждения». Люди стали съезжаться в посольство, предлагать

руководству миссии, военному аппарату, семье и друзьям Горенькова свою помощь, пытаться анализировать события, строить версии произошедшего.

Известие об убийстве среди бела дня в особо охраняемом районе столицы высокопоставленного советского военного дипломата стало полной неожиданностью и для руководства Пакистана и его вооруженных сил. На это указывала первая реакция пакистанских официальных лиц. Уже на следующий день в Посольство СССР приехал президент Пакистана генерал Зия-уль-Хак, выглядевший искренне потрясенным. Он сделал запись в книге соболезнований, а в беседе с временным поверенным в делах СССР в Пакистане постарался убедить его в непричастности пакистанской стороны к убийству. Одновременно он заверил советского представителя, что будет сделано все возможное для скорейшего раскрытия преступления. Аналогичные заявления прозвучали чуть позднее из уст руководителей пакистанского МИД, МВД и министерства обороны.

Между тем пакистанские полицейские уже в течение первого часа после совершения покушения сообщили о задержании первого и, как потом оказалось, единственного подозреваемого. Его остановила патрульная машина поблизости от здания МИД на той самой Конституишн авеню всего метрах в восьмистах от места убийства. Сообщалось также, что в карманах задержанного нашли, якобы, пистолет. Было объявлено даже имя подозреваемого — Ахмад Фазал.

Этот пакистанец, как выяснилось, был известен многим сотрудникам советского посольства и других учреждений, но под другим именем — «сын Горбачева». Как рассказывали давно работавшие в стране дипломаты, этот человек стал периодически появляться возле ворот посольства с весны 1986 года. Он подходил к останавливающимся при въезде машинам, пытался что-то объяснить на английском языке и урду, произносил даже несколько русских слов. Можно было разобрать, что он говорит о своих письмах, адресованных советскому лидеру Горбачеву, о родственных связях с ним, просит помочь в

организации поездки в СССР. Довольно сбивчивая, несвязная речь, нелогичность поведения пакистанца скоро убедили наших сотрудников в наличии у него явных психических отклонений. Но, поскольку поведение Ахмада Фазала было безобидным, с его приставаниями смирились как с неизбежным злом. Конечно, посольством направлялись официальные требования оградить дипломатов от домогательств пакистанца, на некоторое время он исчезал, но потом всегда вновь возвращался. Однако в течение примерно двух предшествующих покушению месяцев «сына Горбачева» никто из советских сотрудников вблизи посольства и вообще в дипломатическом анклаве не видел.

И вот он объявился снова. Во всяком случае, так утверждали пакистанские полицейские. И именно ему они приписывали убийство советского военного атташе. Чтобы сделать окончательный вывод о причастности Ахмада Фазала к преступлению, пакистанцы решили провести его опознание свидетелями убийства. А единственным взрослым свидетелем была Антонина. В посольство поступила соответствующая просьба пакистанской стороны о проведении процедуры опознания. После консультаций с врачом и получения согласия Антонины, ее назначили на территории посольства на второй день после убийства.

Ахмада Фазала привезли на территорию посольства под усиленной охраной. Обращались с ним полицейские нарочито жестоко. Они буквально вышвырнули его из машины во дворе посольства и приказали сидеть на корточках на солнцепеке, ожидая начала опознания. На голову подозреваемого был накинута мешок из грубой ткани, руки и ноги — скованы толстенной цепью. Передвигаться он мог только согнувшись и мелкими шагами. Когда в выделенную для опознания комнату привели с трудом державшуюся на ногах Антонину, туда же заволокли и Ахмада Фазала. На процедуре присутствовали трое пакистанских полицейских чинов, два дипломата советского посольства и переводчик.

Когда Антонине впервые предъявили подозреваемого, она его не опознала. То есть заявила, что не этот человек останавливал машину, и не он оглядывался, убегая с места преступления. Такой поворот событий прихелся явно не по вкусу пакистанцам. Они стали поворачивать Ахмада Фазала, чтобы его лицо можно было видеть под разными ракурсами, взьерошивали и опять приглаживали ему волосы, поднимали и опускали воротник рубашки, заставляли Ахмада то улыбаться, то принимать серьезный вид, то зверски оскаливаться. Антонина стояла на своем, а пакистанские следователи продолжали и продолжали попытки придать подозреваемому такой вид, который бы показался ей знакомым. Эта пытка для убитой горем Антонины продолжалась около двух часов. В конечном итоге пакистанцы добились от вконец обессилившей женщины согласия на следующую формулировку результатов опознания: «Она не уверена, что это не он». Полицейским этого показалось вполне достаточным, и они завершили процедуру, получив необходимую подпись Антонины.

Стало ясно, что пакистанцы сделают все для того, чтобы представить убийство как действие одного психически ненормального человека, за которым никто не стоял. Поэтому и обвинять официальные пакистанские власти вроде бы не в чем, разве что в недогляде за своими психами. Тем более, что почти сразу за опознанием полиция сообщила, что Ахмад Фазал сознался в убийстве советского военного атташе.

Версия с Ахмадом Фазалом, который якобы спонтанно, немотивированно и абсолютно самостоятельно совершил это преступление, целенаправленно отработывалась пакистанцами как единственная. Особо подчеркивалось, что подозреваемый неоднократно лечился в психиатрических больницах и не всегда мог отвечать за свои действия. Факты, которые противоречили этой версии или указывали на возможность участия в покушении других лиц, просто не принимались во внимание или отметались пакистанской стороной. А таких фактов набиралось все больше и больше.

Во-первых, у советских дипломатов, неоднократно видевших Ахмада Фазала и общавшихся с ним, вызывало большое сомнение, что он вообще мог что-то самостоятельно организовать, и уж тем более спланировать и осуществить такую сложную многоходовую операцию. Вместе с тем они также были склонны считать, что этим психически неустойчивым человеком вполне мог манипулировать кто-то третий.

Второй факт был более серьезным. Один из сотрудников посольства во второй половине 16 сентября заехал на автозаправку, которая располагалась метрах в ста от места совершения преступления. Знакомый заправщик рассказал дипломату, что видел неизвестного ему человека, который минут за 15 до стрельбы появился на выезде из АЗС, ведущем к дороге из дипломатического анклава. Незнакомец прохаживался взад и вперед с видом, будто поджидал кого-то. Когда раздались выстрелы, он некоторое время внимательно наблюдал за происходящим, но к месту разыгравшейся трагедии так и не приблизился, а быстрым шагом удалился к Конституишн авеню. На следующий день тот же представитель посольства опять заехал на заправку, чтобы более подробно расспросить своего знакомого пакистанца и порекомендовать ему рассказать все полицейским. Однако дипломату сказали, что его знакомый не вышел на работу. Больше он на этой АЗС не появлялся.

Чуть позднее были получены факты, которые камня на камне не оставили от версии о психически неуравновешенном убийце-одиночке. Выявить и собрать эти факты смог прибывший из Москвы через несколько дней после преступления эксперт-криминалист. Договоренность о его приезде в Исламабад была достигнута с пакистанской стороной на следующий день после покушения. Вполне возможно, что позднее пакистанцы пожалели о своей уступчивости, но пока были вынуждены предоставить нашему эксперту право тщательно изучить место преступления, а также автомашину Федора Ивановича.

Уже после первого довольно беглого осмотра «Тойоты-краун», которая

до окончания следствия находилась во дворе одного из полицейских участков Исламабада, наш эксперт сделал ошеломляющий вывод: стрельба велась не только по Федору Ивановичу, но и по его жене и дочери, причем с двух разных точек и из двух различных систем оружия. Прийти к такому заключению позволили сохранившиеся на внешней обшивке правой задней двери машины четкие следы от двух отрикошетивших пуль, а также застрявшие в корпусе и найденные в салоне несколько деформированных пуль. По ним несложно было определить калибр использовавшегося оружия — 9 мм. Вместе с тем было однозначно установлено, что по Федору Ивановичу стрельба велась из пистолета калибра 7,62 мм. Эксперту также удалось определить, что пули, разбившие правое заднее стекло, отрикошетившие от двери и пробившие ее в нескольких местах, были выпущены с точки, которая располагалась справа сзади от автомашины, в то время как убийца стрелял в Горенькова стоя прямо перед водительской дверью «Тойоты-краун».

Более тщательное изучение машины, сопоставление расположения в ней Антонины и Кати на различных этапах нападения с пробоинами и следами рикошета показали, что второй участник покушения стрелял в верхнюю, среднюю и нижнюю части задней двери, стараясь попасть именно в Антонину и лежавшую между передними и задними сиденьями Катю. Эксперт определил, что как минимум от одной пули Антонину спасла стойка подголовника — попав в нее, пуля изменила направление и застряла в обшивке машины. Спасительным для жены и дочери Горенькова оказалось и начавшееся неуправляемое движение машины под уклон. Угол стрельбы для сообщника убийцы стал быстро увеличиваться, а пули начали застревать в обшивке, а затем и вовсе рикошетить.

Изучив автомашину, эксперт с несколькими дипломатами выехал на место совершения преступления и тщательно осмотрел его. Версия о наличии второго участника покушения быстро нашла дополнительное подтверждение. В кустах справа от дороги была найдена «лежка» стрелка — заранее подготовленное

место для стрельбы с расчищенным от листвы и лишнего кустарника сектором обстрела. Гильзы, несмотря на то, что весь прилегающий участок был осмотрен самым скрупулезным образом, обнаружить так и не удалось. По всему было видно, что покушение готовилось и исполнялось людьми, имевшими профессиональную подготовку, характерную для диверсантов и сотрудников спецслужб.

К концу второго дня пребывания в Исламабаде советского эксперта-криминалиста удалось сложить все ставшие к тому времени известными разрозненные факты в единую картину преступления. И эта картина выглядела довольно зловеще. Спецслужба неизвестного государства направила в Исламабад группу профессиональных убийц в составе не менее трех человек, которая подготовила и осуществила покушение на самого высокопоставленного из проживавших в городе, а не на территории посольства, советских дипломатов. При этом для сокрытия истинных исполнителей и организаторов покушения, а также увода следствия по ложному следу был успешно использован реально существующий и известный широкому кругу лиц местный житель, имевший проблемы с психикой. Вполне возможно, что на спусковой крючок пистолета нажимал человек, загримированный по Ахмада Фазала, или это сделал он сам после соответствующей психологической обработки.

Передача пакистанской стороне выявленных фактов, неопровержимо свидетельствующих о том, что Гореньков погиб в результате заранее спланированной и осуществленной группой лиц операции, не возымела должного результата. Ведущие расследование пакистанцы, используя различные бюрократические приемы, тормозили прохождение этой информации по инстанциям, теряли, а то и попросту игнорировали ее, продолжая отрабатывать свою версию и готовя в ускоренном порядке суд над Ахмадом Фазалом. Вскоре он состоялся, и этот психически больной пакистанец был приговорен к смертной казни. Таким образом руководство Пакистана выполнило обещание быстро найти и наказать убийцу. Для нас же оставалось

только предполагать, кого и по какой причине прикрывали пакистанские следователи и судьи, имитировавшие раскрытие преступления и обеспечившие для официального Исламабада выгодную концовку истории с покушением на советского военного атташе.

Поскольку, даже при наличии достаточно полной картины убийства полковника Горенькова, нет однозначного понимания, какая спецслужба провела эту операцию, мне остается лишь изложить основные, имеющие под собой серьезное основание версии.

Первая из них базируется на том факте, что в 1986 году между СССР и Пакистаном начались неофициальные контакты, в ходе которых пока только в самом общем виде стали обсуждаться возможные пути афганского урегулирования. Видя постепенные изменения в позиции Советского Союза по проблеме Афганистана после прихода к власти Горбачева и его нежелание продолжать войну, пакистанские власти вели поиск возможности получения для себя наибольшей выгоды из складывающейся новой геополитической ситуации. Прерывание этих контактов на данном этапе было явно невыгодно пакистанцам, поэтому официальный Исламабад и подчиненные ему спецслужбы было бы логичным вычеркнуть из списка подозреваемых. Тогда в перечне оставались только две стороны, заинтересованные в тот период в нанесении любого вида ущерба Советскому Союзу — афганские моджахеды и США со своими спецслужбами. Обе располагали возможностями по проведению спецопераций на пакистанской территории. Для США основным мотивом могло быть стремление сорвать неконтролируемые ими советско-пакистанские неофициальные переговоры за счет последовавшего за убийством Горенькова неизбежного роста напряженности в отношениях между двумя странами. Вашингтон также имел достаточно рычагов давления на Исламабад, чтобы заставить пакистанское следствие отработать до конца единственную версию покушения, надежно прикрывающую его истинных организаторов.

Героем второй версии является военная разведка Пакистана — Inter-

services Intelligence (ISI). Эта специальная служба была в середине 80-х очень мощной организацией, обладающей существенным влиянием в стране и некоторой степенью автономии. Она была глубоко вовлечена в события в Афганистане.

Как я уже упоминал, Федор Иванович вел активный поиск информации о восстании советских военнопленных 26 апреля 1985 года в учебном лагере Бадабер в 10 км от пакистанского Пешавара. В то время эта героическая страница в истории афганской войны была почти пуста — не были известны ни имена руководителей и участников восстания, ни их точное число, ни подробности дерзкой попытки добиться освобождения с оружием в руках. Аппарату советского военного атташе в Исламабаде была поставлена задача найти эти недостающие сведения. Пакистанская же сторона, полностью отрицавшая как факт восстания, так и саму возможность пребывания на своей территории советских военнопленных, старалась сохранить этот секрет, используя любые средства. В такой ситуации вполне возможно, что Федор Иванович стал целью для профессиональных убийц из ISI, каким-то образом приблизившись к разгадке тайны Бадабера.

Третья версия, на мой взгляд, самая близкая к реальности, возникла несколько позже остальных. Своим появлением она обязана обнародованию информации об аресте бывшего генерал-майора ГРУ ГШ Полякова Д.Ф. летом 1986 года, суде над ним как агентом американских спецслужб, поставившим им секретные сведения на протяжении 25 лет, вынесении смертного приговора и приведении его в исполнение. Дело в том, что Гореньков Ф.И. в конце 70-х — начале 80-х годов находился в служебной командировке в Индии на должности помощника военного атташе. А военным атташе в ту пору был как раз Поляков Д.Ф. Вполне вероятно, что Федор Иванович, будучи тесно связанным с военным атташе по службе, мог видеть, слышать или узнать что-то такое, что делало провал предателя Полякова еще более чувствительным для американцев. Например, могло привести к раскрытию других агентов ЦРУ. И тогда было

принято роковое для Федора Ивановича решение...

Спецслужбы строго хранят свои тайны. Надежд на то, что нам станет известно, кто стоял за исламабадским убийством или другими похожими на него спецоперациями, нет почти никаких. Нам остается только хранить память о жертвах этой невидимой войны, которая, как всегда, уносит от нас самых лучших.

апрель 2012 г.

г. Москва